

18+

Альбина

Кондратьева

ТИТАНОВЫЙ

ТОРЖ

Альбина Кондратьева

Титановый город

«Издательские решения»

Кондратьева А.

Титановый город / А. Кондратьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553027-1

Недалеко от Перми сокрыт небольшой промышленный город, обнесённый титановой стеной. В нем живут только мужчины, которые ничего не знают о существовании женщин. Они верят, что человек рождается из специального отверстия в городской стене, и стремятся вернуться в свой истинный дом — космос, к которому в томлении взывают их душа и тело. Всё меняется, когда в Титановый город попадает Наташа Матвеева. Станет ли она для них врагом или спасителем?

ISBN 978-5-00-553027-1

© Кондратьева А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Космодом»	6
Глава 2. Титановый город	13
Глава 3. Эксперимент рушится	21
Глава 4. Магия народа Воды	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Титановый город

Альбина Кондратьева

Редактор Ирина Анпилогова

Иллюстратор Ксения Волкова

Корректор Гульшат Уметбаева

Корректор Анастасия Нурмухаметова

Корректор Ирина Таирова

© Альбина Кондратьева, 2025

© Ксения Волкова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0055-3027-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Космодом»

1 мая 2066 г.

– Наташа, переключи на радио, новости начинаются! – крикнул мне отец, стараясь перекричать рёв автомобильного двигателя нашей Лады «Элита». Как и все отечественные электрокары, она гудела и ревела, когда разгонялась до больших скоростей.

Я отключила от автомагнитолы телефон, через который слушала музыку, и прибавила громкость приёмника:

«... к региональным новостям. Сегодня делегация ООН прибыла в Пермский край с целью посетить закрытый военный завод космического и ракетного оборудования „Космодом“. Завод принадлежит авиастроительной компании „Космодом“ и немецкой компании „Эндекум-про“ и выполняет космические заказы Роскосмоса вот уже почти 50 лет. Напомним, что в минувшую среду генеральный директор АК „Космодом“ Николай Царицын согласился снять гриф секретности и принять у себя членов ООН с целью пресечь любые обвинения в нарушении пункта соглашения от 2023 года „О запрете атомной промышленности“...»

Мой отец, Матвеев Игорь Витальевич, был полковником ВВС. Десять лет назад он ушёл в отставку и начал инспектировать частные военные предприятия, работающие на государство. Он всегда был с головой погружён в карьеру, наверное поэтому мама в конечном итоге не выдержала и ушла от него. Но с тех пор как папа стал работать на «Космодоме», он, казалось, и вовсе забыл о нас. Приезд на майские праздники был первым его визитом к нам за последние полтора года. Однако и тут его выдернули на работу из-за этой проверки!

Представители ООН приехали на три дня раньше предполагаемого срока, и теперь десятки учёных, военных и гражданских тряслись по ухабам, чтобы добраться до самого таинственного военного завода России, пока с него временно сняли секретность и дали разрешение на визит.

– А если Царицын откажется взять меня на практику? – спросила я, прекрасно понимая, что директору сегодня будет не до меня. Но это была мамина идея, и отец, как всегда, не стал с ней спорить.

Я была студенткой второго курса Пермского политехнического университета. Прохождение практики на производстве было обязательным для успешной сдачи экзаменов, и мама считала, что отец просто обязан заняться этим вопросом или, по её словам, «внести хоть какой-то вклад в жизнь своей дочери».

– Конечно, он откажется, – усмехнулся отец, даже не глядя на меня. – Мы просто заполним отчёт по практике, составим характеристики или что там ещё нужно, и ты уедешь домой.

Я озадаченно посмотрела на отца: сфабриковать документы было против его принципов.

– А что ты хотела? Это закрытый военный завод, Наташа. Если бы президент не собирався успокоить ООН и лично не настоял на проверках, ни ты, ни кто-либо другой из гражданских никогда не оказались бы за его стенами.

Спорить с отцом было бесполезно, тем более подобный поворот событий только упрощал дело, поэтому я снова включила музыку на телефоне, и остаток пути мы ехали молча.

Наконец дорога свернула в сторону, мы миновали густую рощицу, и за ней нам открылся вид на «Космодом».

По рассказам отца я знала, что полвека назад здесь был полузаброшенный военный завод и десяток жилых домов вокруг него. Папа говорил, что основатели АК «Космодом» выкупили его и расселили жильцов. Теперь территория завода была обнесена таким высоким металли-

ческим забором, что невозможно было разглядеть, что находится за ним. Рядом не было ни одного живого растения, словно землю вокруг стен выжигали или чем-то опрыскивали.

– Полковник Игорь Матвеев с дочерью, – отец вышел из машины и просунул документы в узенькое окошко возле ворот.

Пока шла проверка, я с тревогой поняла, что мне почему-то совершенно не хочется заезжать внутрь. Эти тёмно-серые металлические стены напоминали неприступную крепость или тюрьму. И у меня холодок прошёл по спине при мысли о том, какие тайны они могут скрывать.

Но пути назад уже не было: отец вернулся в машину, а металлические створки ворот с глухим скрежетом раздвинулись, пропуская нас вперёд.

Поставив машину в крытый гараж, мы с папой направились к трёхэтажному зданию с высокими арочными окнами – главному корпусу, как я догадалась, потому что все остальные постройки были одноэтажными и имели менее презентабельный вид.

– Здесь я и работаю, – отец подтвердил мои догадки и кивнул двум охранникам, стерегущим дверь. – Девушка со мной, всё в порядке.

Мы вошли внутрь, и я очутилась в среднестатистическом российском госучреждении с мраморной отделкой, коврами и портретом президента в парадном холле. Сославшись на то, что времени в обрез, отец поспешно провёл меня в свой кабинет и, передав в руки секретарши, удалился.

– Меня зовут Вера, – представилась молодая женщина, поднимаясь из-за своего стола.

– Наташа.

– Чай, кофе?

– Нет, благодарю, – я проверила по телефону время: час десять. – Отец сказал, что на два запланирован фуршет с членами делегации. Но не сказал, приглашена ли я на него.

– Безусловно! – Вера достала из стопки бумаг листок. – У меня указано, что вы придёте. Царицын настаивал на присутствии всех членов семьи руководства завода.

Я лишь недоумённо пожала плечами:

– Но зачем?

– Наташа, – Вера многозначительно на меня посмотрела, – вы же понимаете, все эти слухи вокруг радиации. Будь здесь опасно, никто не привёл бы на территорию завода своих детей! Так что и вы, и другие члены семьи – своего рода гарантия экологической чистоты.

«Космодом» обвиняли в подпольном производстве ядерных продуктов последние лет двадцать. И всё из-за повышенной секретности и закрытого доступа. Но, по словам отца, здесь был обычный ракетный завод, и, чтобы доказать это, Царицын открыл сегодня для делегатов ООН доступ в святая святых «Космодома». Судя по всему, он намеревался устроить для них показательное шоу.

– Понятно, – я скривилась при мысли о том, что я здесь как «гарант экологической чистоты», но мне совершенно не хотелось развивать эту тему. Отчего-то на душе снова стало тревожно, и, чтобы отогнать неприятное предчувствие, я раскрыла свой рюкзак и стала переодеваться к фуршету.

Сменив кроссовки на туфли, я надела бледно-розовое платье из наноацетата – ультрамодной в этом году ткани. Волосы у меня были тёмно-русые, до плеч, с прямой чёлкой, и мне пришлось порядком повозиться, чтобы аккуратно уложить её. Едва я успела поправить макияж, как вернулся отец.

– Наташа, с собой ничего не бери. Сотовые телефоны тоже запрещены, – предупредил он меня. Надев поверх рубашки пиджак и причесавшись, папа повёл меня к парадному входу встречать делегацию ООН.

По коридорам, начищенным до блеска, уже вовсю сновали репортёры центрального канала, пока сотрудники службы безопасности проверяли на входе ещё одну группу иностран-

ных журналистов, а начальство завода нетерпеливо переминалось с ноги на ногу возле окон, высматривая, не едет ли кортеж.

Там же был Николай Александрович Царицын, высокий и подтянутый мужчина в годах. Около него стояла молодая жена с ребёнком на руках и два парня-подростка в тугих бабочках на шее, напоминающих удавку. Отец сразу же подошёл к Царицыну, сухо представил меня и уединился с ним в дальнем углу. Сам папа был невысокого роста, к тому же он сильно поправился с тех пор, как стал работать здесь, так что вместе они представляли довольно нелепую пару.

Следующие минут двадцать я не знала, чем себя занять, пока, наконец, не прибыла толпа из ООН. Журналисты и переводчики оттеснили меня к дальней стене, и я не слышала и не видела ничего, что происходило в холле, уже сомневаясь в том, что моя практика стоила того, чтобы приезжать сюда.

Дальше оказалось ещё хуже. Все направились в столовую, где начался фуршет, и я окончательно потеряла отца из виду. Мои попытки хоть что-то съесть тоже не увенчались успехом. Едва я взяла с подноса тарталетки, как ко мне подскочил журналист.

– Вы сотрудник «Космодома», позвольте узнать?

– Нет, нет, я дочь полковника Матвеева, – тарталетка титаническими усилиями была проглочена, потому что камера уже направлялась мне в лицо.

– Скажите, каково это – оказаться за стенами завода, о котором, вы, как дочь полковника Матвеева, наверняка многое слышали?

– Ну... я не знаю, это интересно, конечно... – в моей голове в этот миг, казалось, не осталось ни одной мысли. К счастью, от необходимости давать интервью меня избавила Вера. Она довольно грубо отшила журналистов и увела меня подальше от них.

– Ищут сенсацию, – женщина закатила глаза, – как будто заняться больше нечем, кроме как нашим заводом.

В какой-то мере я понимала журналистов. «Космодом» выпускал лучшие ракетные двигатели, и, как студентка технического университета, я часто слышала на лекциях о новейших разработках, которые используются на заводе, и удивительных рекордах, что ставят его рабочие на производстве. Половина моих преподавателей поставили бы мне автоматом пятёрки за все следующие годы в обмен на возможность оказаться сейчас на моём месте. Поэтому, несмотря на необъяснимый дискомфорт, который вызывало у меня присутствие здесь, мои глаза загорелись в предвкушении, когда Царицын пригласил всех, наконец, на экскурсию по производственным цехам.

Пройдя вереницу коридоров и преодолев с десятков громоздких металлических дверей, делегаты, журналисты и парочка таких же счастливиц, как я, попали в главный инженерный отдел завода. Царицын подвёл нас к окну во всю стену с табличкой «Механический цех», и нам открылась святая святых «Космодома». Прямо под окном начинались четыре ряда станков, связанных между собой конвейерными лентами, которым, казалось, не было конца и края. За ними работали десятки мужчин в ярко-синей форме с серебряной ракетой на груди, а также маленькие роботы, которые таскали за собой тележки с деталями.

– Вот уже более двадцати лет «Космодом» занимает лидирующее в своей отрасли место по объёму готовой продукции, – с нескрываемой гордостью объявил Царицын. – В этом немалая заслуга как наших российских учёных, так и немецких коллег из «Эндекум-про». Специально смоделированные инженерные станки и подготовка рабочих кадров не имеют аналогов во всём мире. Мы очень дорожим нашими разработками, поэтому никого не допускаем на территорию рабочих цехов. Очень жаль, что из-за этого нас обвиняют в укрытии жутких тайн.

Царицын улыбнулся делегатам, и те зачиркали ручками в своих блокнотах. Ответив на пару вопросов журналистов, он повёл нас в соседнюю комнату, где за таким же большим окном открывался вид на цех сборки.

– Вон он, красавец, – рядом со мной раздался восторженный женский голос, – ионный ракетный двигатель «Небо-18»!

Я вытянула шею, дабы разглядеть его, но не заметить двигатель было невозможно. На постаменте в самой середине цеха лежал наполовину спаянный трапециевидный аппарат метра четыре в диаметре и около десяти в высоту. Вокруг него, ни на секунду не останавливаясь, трудилось с дюжину роботов, припаивая листы обшивки, вкручивая и подгоняя по размеру детали. Людей в цеху не было: должно быть, они управляли процессом с безопасного расстояния.

Мы все молчали, поражённые размером двигателя, лишь журналисты отталкивали всех от окна, желая сделать кадр получше. Дав нам возможность полюбоваться, Царицын торжественно представил образец:

– Ионный ракетный двигатель «Небо-18». Он был использован на челноках, которые сопровождали межпланетные космические корабли. Роскосмос снабдил шестью такими «Юпитериус» и «Эриду», отправившихся изучать дальние рубежи нашей Солнечной системы. За последние двадцать лет больше тридцати землян на борту этих кораблей самопожертвенно покинули нашу планету. Они уже никогда не вернутся домой, их вклад в освоение космоса бесценен.

Осветив все положительные качества долговечного «Небо-18», Царицын провёл нас к складу с отходами, где представители ООН достали приборы и стали замерять уровень радиации, электромагнитного излучения, проводить химический анализ воздуха и ещё много чего. Папа и Царицын как-то загадочно улыбались всё это время. Наконец эксперты торжественно объявили, что все показатели в норме, и репортеры разочарованно вздохнули.

– Ну что ж, Игорь Витальевич, Николай Александрович, ведите тогда в отдел ракетных разработок, – деловито улыбнулась та же женщина.

– Нет, наш следующий пункт – литейный цех! – торжественно оповестил Царицын, и мы засеменяли по запутанным лабиринтам здания.

Окно, выходящее в литейный цех, было совсем маленьким, так что я топталась где-то при входе на смотровую площадку. Потом был ещё цех, где располагалась магнитмашина такой мощности, что она была способна под действием магнитных волн гнуть металлы высокой прочности под любым углом, и снова склады, где делегаты защёлкали своими измерительными приборами. Я же только дивилась тому, каким огромным был этот завод. Впрочем, отец озвучил, что он занимает около трёхсот тысяч квадратных метров, куда входят восемнадцать цехов, административное здание и жилой квартал для работников.

– Игорь Витальевич, – женщина сделала шаг вперёд, привлекая к себе всеобщее внимание, а я бросила быстрый взгляд на её бейдж: «Ольга Фролова – главный инженер РосАльянс, эксперт ООН по вопросам ракетостроения», – полковник, ведь вы отвечаете за государственную безопасность на заводе?

– Так точно! – шуточно отозвался отец, по-военному вытянувшись.

– Тогда что вы скажете об исчезновении четырёх ваших сотрудников два года тому назад?

– Не скажу ничего нового, Ольга Станиславовна, наши коллеги пропали не на территории «Космодома», мы не имеем отношения к их исчезновению и, увы, при всём нашем старании так и не смогли установить их нынешнее местонахождение.

– То есть теорию о том, что они собирали военную информацию для «Эндекум-про» и их убрала контрразведка, вы в расчёт не берёте?

– Конечно, нет! – отец покачал головой, а представители упомянутой организации недовольно уставились на Фролову.

Женщина натянуто улыбнулась и предложила Царицыну показать им жилой квартал и взять интервью хотя бы у одного работника завода.

– Сегодня у них сокращённый рабочий день по случаю праздника, – он посмотрел на часы на своём запястье, – не будем задерживать наших мастеров. В любом случае по плану у нас визит в музей завода.

Царицын подал Фроловой руку и открыл перед ней следующую дверь, а я наконец оказалась рядом с отцом.

– Ещё немного осталось, – прошептал он, беря меня под руку. – Все замеры, какие хотели, делегаты уже сделали, даже воду взяли на анализ. Журналисты попытают нас часок своими вопросами и уедут.

Я устало кивнула, чувствуя в глубине души лёгкое разочарование. Как и Фролова, я надеялась на самом деле попасть внутрь завода, а не наблюдать за всем из смотрового окна.

Едва я успела поделиться с отцом своими ожиданиями, как к нему подскочила невесть откуда появившаяся Вера, сообщила о прибытии какого-то груза из города, и папа скрылся в одном из поворотов. Я же пошла дальше, слишком поздно сообразив, что можно было уйти вместе с ним: вряд ли в музее меня ждало что-то интереснее ракетного двигателя. Как назло, Царицын вдруг остановился, показал пальцем на широкую трубу у нас над головой и громко заговорил.

С первых же его слов «а давайте я вам расскажу про вентиляционную систему» я поняла, что с меня хватит. Незаметно прокравшись по стеночке, я повернула обратно.

Не скажу, что я плохо ориентировалась, но и следопытом не была. Ответвлений в коридоре оказалось больше, чем я думала, и я уже шагнула было в поворот, в который ушёл отец, когда услышала шаги.

– Был приказ, запечатываем все двери, – услышала я мужской голос и зачем-то вжалась в стенку. Мимо меня со стороны, где находилась делегация, прошло двое парней в военной форме. Вскоре я услышала звуки закрывающихся дверей и их голоса, отдающие эхом:

– Триста пятнадцать, триста семнадцать заблокировано!

– Триста двадцать заблокировано...

Я огляделась вокруг себя. Сердце бешено колотилось, руки вспотели. В конце концов, можно было вернуться к делегатам, но я была уверена, что запомнила, куда свернул папа. На цыпочках я прокралась дальше и с силой потянула на себя единственную здесь дверь. За ней оказался узкий проход, заставленный стеллажами и коробками, с такой же металлической дверью в другом конце. Над ними обеими горели зелёные лампы, а значит, проход был открыт.

Я поспешила по коридору вперёд, но на полпути моё внимание привлёк ящик на стеллаже, доверху наполненный небольшими деталями размером с монету. Я уже видела их раньше, вот только где? Пытаясь восстановить в памяти обстоятельства, при которых это могло случиться, я вытащила одну из них. Шестиугольный плоский кусок металла и впрямь был похож на крупную монету, вот только в самой середине у него было одно круглое отверстие и ещё два неправильной формы ближе к краю. «Космодом» было выгравировано с одной стороны и «Моторный цех» с другой. Я вытащила другую деталь: на ней было написано «Литейный цех», а форма отверстий немного отличалась.

– Это ключ! – догадалась я.

Однако от мыслей меня отвлек скрип двери:

– Есть кто? – раздался мужской голос, должно быть принадлежащий одному из военных, совершающих обход.

Вместо того чтобы отозваться, я зачем-то спряталась за стеллаж. В руке у меня была горсть деталей-ключей, и я не хотела, чтобы меня застукали здесь, как воровку.

К счастью, этого не произошло. Дверь с шумом захлопнулась, в коридоре моментально стало темно, только зажглись две красные лампочки над каждой дверью, и глухой голос за стеной произнёс: «Триста тридцать два заблокировано!»

Моё ликование по поводу того, что офицер меня не заметил, очень скоро сменилось ужасом. Какая же я идиотка! Ведь он запер меня в этом коридоре с обеих сторон! Должно быть, двери были синхронизированы, но я-то этого не знала!

Я всё же бросилась к двери и застучала в нее – офицеры не могли далеко уйти. В ответ не раздалось ни звука. Я забарабанила ещё сильнее и позвала на помощь. Но по ту сторону снова тишина. Что было за второй дверью, я не знала. Только сегодня отец рассказывал мне, как один сотрудник забыл пропуск и, чтобы не получить прогул, перелез через забор. В конце концов его скрутила охрана, и всё закончилось увольнением. Меня уволить они не могли, но у отца явно будут серьёзные проблемы, если я окажусь в том месте, где гражданским быть нельзя.

Но деваться было некуда – другого выхода я не видела. Судорожно сглотнув, я неуверенно пошла в полумраке к противоположной двери. Однако она тоже была крепко заперта, и на мои сначала робкие, а затем и более требовательные крики никто так и не ответил.

Прошло уже точно больше часа, как я оказалась запертой в этом проклятом коридоре. К тусклому свету мои глаза давно привыкли, я уже раз десять сходила от одной двери к другой, дабы достучаться хоть до кого-нибудь. Всё было безрезультатно: надежды, что меня кто-то услышит и выпустит до того, как папа начнёт меня искать, становилось всё меньше.

Чтобы как-то скоротать время и успокоить тревожные мысли в голове, я снова стала перебирать детали в ящике. Среди ключей от токарного цеха, склада и даже больницы попалась вдруг деталь без надписи с изображением четырёхконечной звезды. И тут меня осенило, где я уже видела нечто подобное. Около двух лет назад, когда отец только начал работать на «Космодоме», он принёс мне в качестве сувенира такую деталь.

– Альтерфлешка, – сообщил он, – нашёл в ящике своего стола.

Он протянул мне шестиугольник с изображением ракеты.

– Зачем это? – помню, без особого энтузиазма спросила я.

– Это ключ-блокиратор, используется на заводе. Бери, больше ничего принести не смогу, завод секретный, – отец неуклюже и словно в смущении пожал плечами.

Я куда-то забросила этот сомнительный сувенир, а отец с тех пор больше не появлялся. На этих выходных я увидела его впервые за долгое время. Папа всегда много работал, но прежде мы были близки с ним. Даже после того как они с мамой развелись, мы могли часами говорить с ним по телефону или гуляли, когда папа приезжал из командировок или со своих проверок. Но с тех пор как его назначили инспектором «Космодома», отца словно подменили. Звонки пару раз в месяц и онлайн-переводы на мою учёбу – вот и все наши взаимоотношения.

Я села на пол, прислонившись к стене, и тяжело вздохнула. Затем расстегнула цепочку на шее и продела в неё альтерфлешку со звездой. Мне хотелось сохранить её... хотя бы её. Обхватив колени руками, я устало закрыла глаза.

Сначала я не слышала ничего, кроме своего тяжёлого дыхания, но вскоре начала различать едва заметный свист.

Я прислушалась.

Источник звука находился за одним из стеллажей. Я подползла к нему на четвереньках и ощупала его содержимое, то и дело прикладывая ухо то к пыльной коробке, то к ведру с деталями. В какой-то момент я почувствовала, как мне в лицо подул ветерок.

Вентиляция! Вот оно, моё спасение!

Вспомнился обрывок рассказа Царицына, от которого я так удачно сбежала, о вентиляционной системе завода. Что-то о том, какая это огромная сеть, как чётко там у них всё продумано и что воздух туда попадает самый свежий. Что ж, будем надеяться, что вентиляция выведет меня на улицу!

Минут двадцать я освобождала стеллаж от его содержимого, пока вся эта груда металла не рухнула, чудом не пришибив меня. Эхо ещё долго стояло в воздухе, и я выждала минут пять в надежде, что шум привлечёт кого-то. Но, должно быть, заблокировав в этой части завода все двери, военные покинули её, либо вместе с делегатами «развлекались» в музее главного здания.

Махнув на них рукой, я потянула за решётку, но она лишь слегка накренилась. Благо в моей «темнице» было полно деталей и инструментов. Вспомнив сцены из боевиков, я соорудила рычаг и вскоре отковыряла решётку. Свист, который ранее привлёк меня, стал сильнее: должно быть, это работали воздушные насосы. Из вентиляции сразу подуло холодным воздухом. Хороший знак, беда только в том, что там стояла крошечная тьма.

Я тяжело вздохнула и решительно залезла в довольно-таки широкий и омерзительно пыльный туннель. Нащупывая воздух перед собой, я ползла, как слепая крыса в лабиринте, пока не уткнулась в преграду. Пошарив руками по масляным стенам и успев порядком испугаться, я, наконец, по сквозняку поняла, что туннель поднимается вверх. Выставив над головой руку, я поднялась почти в полный рост, неуклюже вскарабкалась на небольшой выступ и поползла дальше. Мысленно представила, какое чуждое существо я сейчас собой являю и в каком шоке будут все, а особенно мой отец, если я выползу из какой-нибудь стены в конференц-зале. Я похихикала, пытаюсь таким образом приободрить себя.

Скоро я снова упёрлась в тупик: туннель повернул направо и потом всё время под небольшим углом уходил вниз. Меня так и подмывало сесть и скатиться, потому что колени сильно болели, я почувствовала, что порвала колготки, а руки были покрыты пылью и какой-то белой трухой... Стоп! Я вижу свои руки. Замерев, я пригляделась: слабо, но я различила свои ладони, стены вентиляционного прохода и альтерфлешку, болтающуюся на шее. Это был хороший знак – значит, выход уже рядом. Скоро я повернула налево и вскрикнула от неожиданности: метрах в пяти со дна вентиляционного прохода поднимался свет, и до моих ушей донёсся гул какого-то работающего двигателя.

Я начала карабкаться из последних сил, добралась до края туннеля и свесилась вниз: прямо подо мной медленно катилась широкая конвейерная лента. Совсем как та, что мы видели в механическом цеху, только поменьше. До ленты было чуть больше метра. Куда вёл конвейер, я не знала, поэтому прыгнуть не решалась. А вдруг это прямая дорога в плавильную печь какого-нибудь литейного цеха?

Я уже набрала воздух в лёгкие, чтобы окликнуть кого-нибудь, как вдруг увидела такое, от чего дар речи потеряла.

Прямо подо мной по конвейерной ленте проплыла корзинка с младенцем. С младенцем! Я уж подумала было, что от долгого пребывания в темноте у меня галлюцинации, но где-то через минуту за ним последовал ещё один ребенок, потом ещё и ещё, и так без малого десять раз. Десять младенцев на конвейере ракетного завода!

Я, конечно, могла бы принять это за новый вид роботов, но передо мной явно были живые малыши, завернутые в пелёночки. У всех у них были закрыты глаза – должно быть, дети спали, но я видела, как кто-то из них ворочался во сне. Будь они андроидами, зачем нужно было бы кутать их в пелёнки?

Это было очень странно... Так странно, что я даже не заметила, как лента остановилась. Не знаю, что вдруг на меня нашло, но я восприняла это как знак и, неуклюже вывернувшись в коробке вентиляции, прыгнула на мягкую резину. Я снова оказалась в туннеле. С той стороны, откуда младенцы въезжали на ленту, была тёмная арка, с другой стороны – такая же, но из неё шёл яркий свет. До меня вдруг донёсся детский плач и гул чьих-то голосов.

– Можешь закрывать, – услышала я неожиданно со стороны тёмной арки и, решив, что меня сейчас снова запрут в ловушке, быстро ринулась к свету.

Глава 2. Титановый город

За аркой конвейерная лента продолжалась, а вокруг неё был низкий полупрозрачный туннель, из-за которого я так и не могла понять, где нахожусь. Я всё ещё не решалась выбраться наружу, потому что на другом краю ленты стояла последняя корзина с младенцем. Наконец двое мужчин бережно подхватили её и унесли. Туннель был такой низкий, что мне снова пришлось ползти на четвереньках. Едва я доползла до края конвейерной ленты и выглянула

наружу, жмурясь от яркого солнечного света, как за моей спиной с глухим стуком закрылся люк. Что ж, обратно мне и не нужно, я наконец выбралась из своего заточения!

К счастью, рядом с конвейерной лентой уже никого не было. Когда мои глаза привыкли к свету, я увидела невысокие бетонные дома вокруг, а слева – огромную площадь, битком набитую людьми. Оттуда раздавались восторженные голоса, и иногда я слышала детский плач, который тонул в одобрительных возгласах и аплодисментах. За площадью стояло кирпичное здание с высокими окнами, и я обрадовалась, приняв его за главный корпус «Космодома», но вовремя успела спохватиться – здание было выше, а с последнего этажа в обе стороны тянулся навесной мост. Справа мост соединялся с серым зданием из бетона, а слева – с высокой металлической стеной, точно такой же, что окружала всю территорию «Космодома». Металлическая стена была и за моей спиной – туннель с конвейерной лентой выходил прямо из неё, и я совершенно запуталась в том, где нахожусь.

– Земная твердь! Как ты сюда попал?

Я подскочила от неожиданности. Прямо передо мной, откуда ни возьмись, появились двое парней. Оба смотрели на меня во все глаза с открытыми ртами.

– Кто ты? – наконец, один из них пугливо приблизился ко мне, разглядывая моё чумазое лицо. – Как ты сюда попал, ты ведь уже совсем взрослый?!

Я не успела ничего ответить этому странному незнакомцу. Парень резко обернулся и чуть ли не запихнул меня обратно в туннель. И, надо сказать, вовремя: из-за угла вышел мужчина в чёрной форме с серебряным жетоном на груди. Он выглядел как охранник и вид имел самый суровый, так что мне совсем не захотелось попасться ему на глаза. Когда мужчина медленно прошествовал мимо и скрылся за поворотом, двое парней снова заглянули в туннель.

– Ты оттуда, откуда берутся дети? – громким шёпотом спросил один из них. Я решила, что ослышалась. Что за бред он несёт?

– Я должен был бы сдать тебя десятнику, – признался он, оглядываясь на поворот, в котором скрылся мужчина в чёрной форме, – но я тебя спрячу, если расскажешь, кто ты такой.

Что за «десятник»? Что за глупые вопросы? Всё это было похоже на розыгрыш, но в любом случае мне не хотелось оказаться в руках у этого десятника, поэтому я подошла ближе и внимательно оглядела парней. Тот, что разговаривал со мной, был высоким и худощавым с пронзительными синими глазами и светлыми волосами, а его друг – упитанный черноволосый юноша с кавказскими корнями, судя по лицу.

– Что я должна тебе рассказать? – недоверчиво спросила я.

Парни переглянулись, и первый, наклонившись ко мне, шёпотом спросил:

– Знаешь, откуда на самом деле берутся дети? То есть я, конечно, знаю, что они появляются из Арки Рождения, – поспешно добавил он, кивнув мне за спину, – но...

Парни снова переглянулись.

– Ты ведь точно оттуда пришёл? – уточнил черноволосый, недоверчиво изучая моё грязное лицо.

– Оттуда... – растерянно произнесла я и тут же вздрогнула, потому что люди на площади радостно вскрикнули.

– Они расходятся!

– Идём, – первый парень решительно схватил меня за руку и потянул за собой.

Мы бросились в противоположную сторону от толпы и спрятались в проулок между домами.

– Ты точно пришёл из Арки? – ещё раз с нажимом спросил он, и я кивнула. – И ты знаешь, откуда берутся дети?

– Конечно! – раздражённо ответила я, снова ощущая, что меня разыгрывают.

– Ты расскажешь нам? – парень был всё так же серьёзен.

– Да.

– Тогда побежали, твой костюм может привлечь слишком много внимания!

Черноволокный юноша первым добрался до конца проулка и выглянул из-за угла, чтобы проверить, чист ли путь.

– Я догоню, бегите! – крикнул он, махнув нам. Второй парень с силой сжал мою руку, и мы помчались со всех ног по узким улицам меж серых домов.

Когда я уже окончательно потеряла счёт одинаковым пятиэтажкам, мы наконец вошли в подъезд жилого дома, только чудом не попавшись никому на глаза. Миновав четыре лестничных пролета, парень достал из кармана электронный ключ, и мы с ним оказались в небольшой комнате с номером 414 на двери.

– Это мой дом, – проговорил он и уставился на меня во все глаза.

Я уже пожалела, что так легко позволила этому чудаковатому незнакомцу увести меня с собой. В голове пронеслась мысль позвать на помощь и попытаться сбежать, но он не запер дверь, и это меня немного успокоило.

Парень смотрел на меня так, будто я была каким-то неземным существом, и, казалось, временно потерял дар речи. Это смущало, поэтому я отвернулась и принялась разглядывать незамысловатое убранство комнаты. Справа от входа была кабинка душа с туалетом, дальше – кровать, стеллаж со шкапами вдоль другой стены. Слева был кухонный уголок с крошечным холодильником, окно и письменный стол.

– Это ведь жилой квартал работников завода? – меня неожиданно осенило. – Царицын ведь рассказывал, что на территории «Космодома» есть жилые кварталы.

– Ну да, – парень как-то неопределённо пожал плечами, – я, конечно, еще не работаю на заводе... Учусь... Меня зовут Гелиорд, я забыл представиться.

– Наташа, – промямлила я, и парень неожиданно схватил меня за обе руки. Я попятилась назад, пытаясь вывернуться, но тут в дверь постучали.

– Входи! – произнёс он, и на пороге показался его черноволокный друг, а я наконец выпуталась из рук Гелиорда. – Дардин, это Наташа.

– Наташа, – поправила я его.

– Да, прости, его зовут Наташа! Наташа, это Дардин!

Я снова хотела поправить юношу, что не «его зовут», а «её зовут», но Дардин неожиданно тоже подскочил ко мне и схватил за обе руки. Каким-то загадочным всё тут было: младенцы в люльках, Арка Рождения, «десятники», странное обращение, а вот теперь ещё и рукопожатие...

– Что он сказал? – Дардин жадно впился в нас взглядом и затворил дверь.

– Мы ещё не успели поговорить, – пояснил Гелиорд. – Наташа, расскажи нам, кто ты такой?

Я тяжело вздохнула. В голове промелькнула мысль, что они оба умалишённые и что стоило всё-таки обратиться к охране, пусть даже к какому-то «десятнику» в странном облачении. Я медленно подошла к окну и выглянула наружу: мрачный переулок и такой же серый дом напротив; двое мужчин шли по тротуару, о чём-то беседуя; на обоих была синяя форма и серебряная ракета на груди.

– Ребят, вы сами-то кто такие? – мысль о том, не психи ли эти двое юношей, вдруг всерьёз меня беспокоила.

– Мы с Дардином... – Гелиорд растерянно взглянул на друга, – обычные люди из народа Небес, которым было суждено родиться и жить здесь, на Земле, в Титановом городе, нашем временном пристанище. Сегодня нам исполнилось 19, мы учимся в институте. Я буду работать в инженерном отделе, а Дардин – на заводе в литейном цеху.

– Я знаю про этот завод, про «Космодом», – пояснила я, – была сегодня даже в каких-то цехах вместе с делегацией ООН...

– Чего? – Дардин вытаращил на меня глаза.

– А, вы не знали? Сегодня из Москвы приезжала делегация ООН, проверяла, всё ли тут законно на заводе, нет ли радиации и прочее.

Я пожалала плечами, но оба парня смотрели на меня так, будто ни слова не поняли из моего рассказа.

– Вы не понимаете? – наконец изрекла я, и ребята покачали головами. – А где ваши родители? Они должны быть в курсе.

– Кто? – тут подал голос и Гелиорд.

– Родители, – громче произнесла я, – мама и папа ваши где?

Меня уже стала бесить их тупость, но парни снова растерянно переглянулись.

– Я понял, – Гелиорд привстал, – ты приехал издалека?

– Ну, не особо – из Перми.

– Не знаю, где это, Наташа, но, видать, наши языки отличаются.

Я закатила глаза: что за бред!

– Ладно, ребят, это очень смешно! Вы мастерски меня разыграли, но меня отец ищет, и он, наверное, уже в панике, – я поняла, что начала терять терпение. – Как отсюда попасть в главный корпус?

– Куда? – хором спросили мои новые знакомые.

– В главный корпус! – рявкнула я. – Да хотя бы как за территорию города выйти...

– Наташа, – теперь уже Гелиорд посмотрел на меня как на слабоумную, – с территории Титанового города выйти невозможно, как невозможно и попасть сюда.

– Я же как-то попала! – я была на грани бешенства.

– Вот мы и хотим понять как, – подал голос Дардин. – Кроме младенцев, сюда никто не попадает! Это невозможно! Так устроена Природа!

– Какая ещё, к чёрту, природа! – я бросилась к двери, но оба парня встали на моём пути. – Да вы с ума, что ли, сошли?!

– Наташа, мы не сошли с ума, – очень спокойно и медленно произнёс Гелиорд. Кажется, он с каждым моим словом всё больше и больше убеждался, что это я ненормальная. – Успокойся, пожалуйста.

Я раздражённо вздохнула, но всё же постаралась взять себя в руки, хотя их слова о том, что с территории завода невозможно выйти, спокойствия не прибавляли.

– Не нужно так волноваться. За столетие, что наш народ живёт здесь, никто никогда не входил на территорию Города и не выходил с неё, – лишь усугубил мою панику Гелиорд, – только Городничий выходит за Большую Стену, чтобы совершить обмен товарами с народом Троп...

– Да ещё самые лучшие из нас иногда улетают Домой, – тяжело вздохнув, добавил Дардин.

– Поэтому мы очень удивились, когда увидели тебя в Арке Рождения, ведь оттуда могут появляться только младенцы, но никак не взрослые люди.

– Это невозможно! Так Природа устроена, – опять влез Дардин.

– Если Городничий или солдаты узнают о тебе, то могут и убить! – умозаключил Гелиорд, и по тону его голоса я поняла, что парень не шутит.

– Ну да, – подтвердил его опасения Дардин, – решат, что ты лазутчик из народа Теней или из народа Воды, что ещё хуже, – они как раз носят такие костюмы.

Гелиорд посмотрел на него, как на идиота, но Дардин лишь руками развёл:

– Так в книге написано!

– В сказке, Дардин, в детской сказке!

– Хорошо, – произнесла я наконец, пытаюсь найти хоть каплю здравого смысла в их словах, – я не из народа Теней или Воды или ещё откуда-то. Я просто из-за стены, понимаете. Мой папа тоже работает на этом заводе, только он очень большой начальник... Ну, сам он в цеху ничего не производит, а только...

– Мы знаем, кто такой начальник, – перебил меня Дардин.

– Ну так вот, – продолжила я, – мой папа тоже тут работает, и сейчас он меня ищет, потому что в эту вашу Арку я попала совершенно случайно... Это долгая история!

Я опять закатила глаза: всё было как-то слишком сложно...

– А этот Папа... Он что-то вроде наставника, что ли? – Гелиорд прищурил глаза.

– В каком-то роде да, – сдалась я.

– Может, позовём Тито? – предложил Гелиорд.

– А вдруг он сдаст его солдатам?

– А вдруг он всё-таки лазутчик? – шёпотом спросил Гелиорд, но я всё равно услышала.

– Ребята, я не лазутчик. Я клянусь вам...

Парни вздрогнули и уставились на меня во все глаза.

– Это очень громкое слово, ты знаешь, – нравоучительно произнёс Дардин. – Если сейчас ты солгал...

– Я знаю, Дардин! – я снова начала раздражаться. – Я сказала правду. Я не лазутчик! Давайте уже покончим с этим вопросом. И если уж вы такие мнительные, то почему сами не сдали меня солдатам?

– Ты ведь сказал, что знаешь, откуда берутся дети, – Гелиорд выглядел разочарованным. – Я подумал, раз ты появился из Арки, то знаешь об этом что-то... большее... Конечно, мы знаем всё то, что пишут о Рождении в книгах, – поспешно добавил он, – но... есть в этой истории какая-то недосказанность. Например, как дети вдруг...

Ему так и не удалось договорить: пронзительный звон наполнил всё пространство вокруг, и я зажала уши ладонями.

– Обещай мне, что никуда не уйдёшь... Я принесу тебе еды.

Он посмотрел на меня таким умоляющим взглядом, что я послушно кивнула. Парни закрыли за собой дверь, и я вновь оказалась взаперти.

В голове был полный сумбур. Где я? Кто эти парни? Как там папа? Он меня точно убьёт, и никакой практики мне не видать! Ещё бы, дочь полковника Матвеева через вентиляционную шахту пролезла в жилой квартал секретного военного завода! Меня вообще за такое могут засудить. К тому же меня беспокоила мысль, что я и в самом деле могу не выбраться отсюда живой. Одно лишь могло спасти ситуацию – если бы Гелиорд с Дардином всё-таки оказались сумасшедшими.

Я ещё раз окинула взглядом комнату парня. Мебель здесь была не новая, о чём говорили сколотые края столов и царапины на дверцах шкафа. Зато обои и ванная комната, напротив, казались недавно обновлёнными, да и коричневая краска на полу всё ещё сверкала гляncем. Я открыла и перетормошила кухонный шкафчик, но ничего, кроме посуды и банки с чайными листьями, не нашла. Стол был завален учебниками и тетрадями с лекциями по основам ракетостроения, черчению, физике и прочим дисциплинам, которые изучала и я в своём техническом институте. Пролистав пару конспектов, я не обнаружила ничего подозрительного. Не было в комнате ни ноутбука, ни других средств связи; вообще, кроме лампы и чайника, я не обнаружила больше электроприборов.

В туалете тоже ничего интересного: лишь гигиенические принадлежности. Я взглянула на своё отражение в зеркале и ужаснулась: волосы спутались и висели как пакля, на лбу и на подбородке какие-то чёрные разводы, тушь размазалась, платье всё в грязи и местами порвалось. Я поспешно умылась и, как смогла, распутала волосы пальцами вместо расчёски. Теперь хоть более-менее похожа на человека!

Оставалось осмотреть большой шкаф. Я прислушалась к звукам за дверью – тишина. Никогда ещё не рылась в чужих вещах! Я в волнении закусила губу: ну и поганое это занятие, но что поделаешь... Я попыталась оправдать себя тем, что от этого зависит моя жизнь,

и открыла створки. И вновь ничего интересного – несколько вешалок с брюками и куртками, а внизу пара чёрных ботинок. В другом шкафу висел зимний комплект. Я вконец обнаглела, запустила руку в карман куртки и нащупала что-то металлическое, зацепившееся за подкладку. Не без труда я извлекла этот предмет: не может быть! Альтерфлешка с гравировкой в виде книги и надписями «Космодом» с одной стороны и «Школа» с другой. В двери что-то пискнуло, я судорожно сунула свою находку обратно и захлопнула дверь шкафа.

– Слава Небу, ты здесь! – счастливый Гелиорд поставил на стол контейнер с едой. – Я боялся, что ты уйдёшь. Ведь если тебе удалось оказаться в Арке Рождения, то, может, ты и сквозь стены можешь проходить...

Он говорил с такой искренностью, что я не удержалась и улыбнулась.

– Гелиорд, – мягко произнесла я, – давай поговорим очень честно друг с другом.

Парень молчал, не сводя с меня и без того честных глаз, пронзительно синих и немного наивных.

– Можешь поклясться мне, что будешь говорить только правду?

Он замер, открыв было рот, но, поколебавшись немного, дал клятву.

– А ты? – не заставила себя ждать его ответная просьба. Я снова улыбнулась и тоже поклялась говорить только правду.

После этого я почувствовала, как между нами исчезло какое-то напряжение. Гелиорд был очень милым парнем, высоким, с правильными чертами лица и благородной осанкой, и мне было грустно осознавать, что у него не всё в порядке с головой.

Он достал тарелки и выложил на них всё содержимое контейнера: рис, курица с золотистой корочкой и большой кусок ягодного пирога.

– У нас ведь сегодня праздник в городе, – пояснил он, – а ты, наверное, голоден.

Я с благодарностью кивнула; с того момента, как я наспех перекусила во время фуршета, прошёл уже не один час.

Какое-то время мы молча ели, точнее ела я, а Гелиорд только ковырял вилкой рис и не сводил с меня взгляда. Сначала мне кусок в горло не лез, но потом я поняла, что человеку, который, видимо, никогда не выходил за территорию завода, я на самом деле могла показаться пришельцем.

– Гелиорд, – снова произнесла я, когда он налил нам чай и я откусила кусок от своего пирога, – расскажи о себе.

Парень вздохнул и уставился в одну точку:

– Я родился из Арки Рождения первого мая ровно 19 лет тому назад, – начал он, – рос с девятью другими братьями сначала в яслях, потом в детском доме. Уже там нашим с Дардином наставником стал Тито, он учил нас вместе с воспитателями, следил, особенно за мной. Мне не все науки легко давались, но в математике я был силён, и он много со мной занимался. В позапрошлом году мы закончили школу, и мне удалось поступить в институт на инженера. Другим братьям повезло меньше, – смущённо добавил Гелиорд. – Как и все студенты, я работаю на Служении: мы с Дардином печатаем газеты в типографии. Вот это тоже я напечатал.

Гелиорд дал мне в руки одну из книг со стола. Это была детская сказка «Орли и волшебные сны». Мальчик на обложке держал в руках светящийся меч, а на заднем фоне были изображены люди в балахонах.

– Это о войне с народом Воды, – Гелиорд отчего-то смутился, и я вспомнила Дардина. Ну конечно, моё платье могло напомнить им эти балахоны!

– А что завод? – маленький робот на одной из страниц напомнил мне о сегодняшней экскурсии.

– Строим ракеты, – Гелиорд пожал плечами. – Конечно, многое приходится отдавать за еду, ткани и лекарства другим народам, но раз в десять лет команда космонавтов улетает Домой.

– Куда? – я оторвала взгляд от картинок в книжке.

– Домой, – произнёс Гелиорд и поднял взгляд вверх.

– А что там? – аккуратно спросила я.

– Дом, – улыбнулся Гелиорд, – наш Космос... Настоящий Космос, понимаешь, а не Титановый город, не это убогое пристанище! Разве ты не стремишься вырваться с этой ужасной планеты домой?

Я открыла было рот, но так и не нашла что сказать.

– Я очень этого хочу, – произнёс он и, тяжело вздохнув, опустился на кровать, – мне так душно здесь, так нестерпимо плохо... Особенно последние годы. Тито говорит, что это возраст, что потом я привыкну и смирюсь с этой земной тяжестью.

Парень неожиданно резко встал и достал из кухонного шкафчика небольшую коробочку. К моему удивлению, она была битком набита блистерами с таблетками. И как я не заметила её, когда рылась в шкафу!

– Что это? – я заглянула внутрь: на вид обычные белые таблетки.

– Гормоны, – пожал он плечами и опустил одну в рот, запивая водой, – забыл сегодня утром выпить в этой суматохе.

– Зачем ты их пьёшь?

– Говорю же, нам очень тяжело жить здесь, на Земле, а таблетки помогают, успокаивают.

Ну всё! Над ними тут проводят какие-то эксперименты, и меня точно живой не выпустят. Я опустилась на стул, пытаюсь хоть как-то уложить в голове мысли, но множество вопросов не давало мне этого сделать.

– Гелиорд, объясни мне, пожалуйста, то, что меня мучает с самого начала! – повысила я голос, и он испуганно на меня уставился. – Что за дети, что за Арка Рождения? Это были живые младенцы?

– Ну конечно, живые, что за вопрос? Люди рождаются из Арки Рождения! Это чудо Природы! Все это знают, Наташа, – он посмотрел на меня с лёгким укором и сомнением. – Каждый год Лоно Природы дарует нам десять детей!

У меня всё внутри горело от досады, и я смачно выругалась. Это же надо так человеку промыть мозг, что он будет верить в подобный бред и говорить об этом с такой гордостью.

– Но... ты в это не веришь? – озвучила я свое предположение.

Гелиорд смутился и опасливо покосился на дверь:

– Я верю, – начал он вполголоса, склонившись надо мной, – просто... Я чувствую... Словом, это немного странно, как будто это не вся правда. Мне интересно, как дети формируются, понимаешь, как становятся такими, какими мы их видим, как попадают в люльки... Я не понимаю ещё многого... Тито говорит, что с возрастом я найду все ответы.

– Угу, – кивнула я, – Гелиорд, а почему в Титановом городе дети не рождаются естественным путём?

– Естественным? – насторожился парень. – В смысле?

– В прямом. Ваши женщины что, бесплодны? – у меня закралось подозрение, что «Космодом» не такое уж экологически безопасное место и какое-то излучение здесь всё же есть.

Гелиорд наклонил в недоумении голову набок и спросил:

– Женщины? Что такое женщины?

Я не сумела подавить смешок, но Гелиорд и не думал улыбаться. Он смотрел на меня очень серьёзно и недоверчиво.

– Ну, женщины, девушки, – попыталась я перефразировать, – не знаю, самки!

Судя по не меняющемуся выражению его лица, информация до парня так и не дошла.

– Гелиорд, – мне вдруг стало жутковато, – ты издеваешься...

– Наташа, я не понимаю, о чём ты говоришь, – честно признался он.

– Хорошо... – я закусила костяшки пальцев. – В Титановом городе нет женщин?

Гелиорд пожал плечами и покачал головой.

– Ты даже не знаешь, кто такие женщины?

Тот же ответ.

– Ты сейчас говоришь мне правду?

– Да! – воскликнул парень. – Я ведь дал тебе клятву! Зачем спрашивать снова?

– Гелиорд, – я жестом остановила его возмущения, – кто я?

– Ты очень странный парень, Наташа! – со злостью проговорил он. – Я не хочу, чтобы тебя забрали десятники, но и разговаривать с тобой я тоже больше не хочу!

Гелиорд подскочил, сделал три больших круга по комнате и, наконец, направился к двери.

– Ты куда?! – воскликнула я.

– Ухожу, – мрачно пробубнил он, – сегодня наш день рождения вообще-то, братья ждут меня в баре.

– Ты опять меня здесь оставишь? – я кинулась за ним.

– Нет. Иди куда хочешь, – предложил он, распахивая дверь.

Я осталась стоять на месте, ощущая, как ком подступает к горлу. Серые стены за дверью напоминали больницу или тюрьму, и выходить в этот странный мир совсем не хотелось.

Хорошо это или плохо, но мне пришлось признать, что Гелиорд всё же нормальный, с головой у него всё в порядке, и то, что он говорит, для него и, видимо, для всех людей, живущих здесь, правда. И хотя всё это выглядело нереалистично, но во многом объясняло такую засекреченность «Космодома» – дело было не в запретных технологиях, а в эксперименте над людьми, и, как бы ужасно это ни звучало, судя по всему, эксперименте удачном.

Парень смотрел на меня хмуро и недовольно, ожидая, что я уйду. Если ему было так сложно меня понять, то что было говорить об остальных обитателях этого города? Я тяжело вздохнула, покачала головой и развернулась обратно. Гелиорд с шумом захлопнул дверь, а я упала на кровать, не в силах сдержать слезы.

Глава 3. Эксперимент рушится

Кабинет Царицына

– Двадцать четыре миллиона человек! – Николай Царицын рвал глотку, глядя на Матвеева. – И сколько ещё жизней можно спасти! Подумай об этом! Когда Надя умерла, я сыновьям поклялся, что найду способ излечить «акулу»! Да пойми ты, мы с тобой равным счётом ничего не сможем изменить, все решения уже приняты, и ты это знаешь!

– Я не прошу отменить эксперимент, я говорю лишь о переносе даты, Коль, – покачал головой Матвеев.

– Невозможно! – Царицын потряс руками перед своим лицом. – Пока мы развлекали ООН, младенцы были благополучно доставлены в город. Никто ничего не заметил, как я и говорил. Что вдруг с тобой случилось?

– Ничего, – мужчина тяжело вздохнул. Признаться, что он уже четвёртый час не может найти Наташу, было непросто. – Можно ли этим медикам доверять?

– Это военные врачи, специалисты по генной инженерии. Да они столько всего знают и столько всего видели, что наш с тобой маленький эксперимент для них как бунт в детском саду!

Матвеев не стал больше спорить. Он пожелал Царицыну доброй ночи и поспешил в свой кабинет в надежде, что Вера обрадует его новостями о Наташе. Но она лишь развела руками: никто ничего не видел.

Игорь Витальевич попросил кофе, отпустил секретаршу, а сам направился к охранникам, дабы просмотреть записи с камер наблюдения. Где-то Наташа должна была объявиться, не провалилась же она сквозь землю!

Комната Гелиорда. Следующий день

Я проснулась со слабой надеждой, что окажусь дома. Но узкая кровать и голубые обои в полоску не подтвердили моих ожиданий. Хлопнула дверца ванной комнаты, я приподнялась на локте и чуть с кровати не упала: Гелиорд, видимо, вышел из душа и теперь расхаживал по комнате в чём мать родила (в данном случае Арка Рождения). Я бы, конечно, возмутилась, но сейчас только глазами хлопала спросонок.

– Это хорошо, что ты проснулся, – по его тону было ясно, что Гелиорд всё ещё не в духе, – я ухажу на учёбу. Еду тебе принёс.

Я с трудом перевела взгляд на контейнер на кухонном столике.

– Вернусь после обеда, – он наконец оделся. – Кстати, я не помню, чтобы разрешал тебе спать на моей кровати! Когда я вернусь, то надеюсь услышать... – но Гелиорд не договорил, уставившись на меня во все глаза.

– Откуда у тебя это?! – воскликнул он и ломанулся ко мне через всю комнату. Я попыталась отмахнуться от его рук, но он схватил меня за плечи и дёрнул за цепочку на шее.

– Альтерфлешка? – растерянно произнесла я.

– Это... это... – но он вновь не договорил. Очередной сигнальный звонок огласил город, Гелиорд вздрогнул и поспешил к выходу.

Я, откровенно говоря, растерялась. Пришлось ещё раз заглянуть в шкаф с одеждой и достать из куртки Гелиорда подобную альтерфлешку. Гравировка «Школа» на значке Гелиорда говорила о том, что с её помощью он когда-то попадал на учёбу, а вот какие двери открывала моя альтерфлешка с четырёхконечной звездой, я не знала.

На спинке кровати я нашла чистое полотенце, зубную щётку и спортивный костюм, из которого Гелиорд, видно, вырос. Я тут же помчалась в душ, потом застирала всю свою одежду и с благодарностью надела свежую футболку и мягкие штаны. Позавтракав омлетом и фруктами, я и вовсе почувствовала, как улучшилось моё настроение. В конце концов, мне дико повезло с тем, что, оказавшись в Титановом городе, я встретила именно Гелиорда. Попади я в руки их властям, точно была бы уже трупом.

Полистав учебники по гидравлике и наномеханике, я натолкнулась среди прочих книг на детскую сказку: на обложке был нарисован маленький серый мышонок на колоске, и я открыла первую страницу.

Мышонок Винк вылупился из камня, и, пока он был малышом, другие мыши приносили ему зёрнышки. Но однажды они перестали это делать, и мышонок долго не мог понять почему. Он пошёл на гору Мышиный Хвост и оттуда увидел высоко-высоко в небе Месяц. Тот рассказал ему, что теперь он сам должен искать зёрнышки и кормить маленьких мышат, а самое главное, он должен собирать по всему полю сухие ветки и листья, и когда он наберёт их достаточно, то душа его сможет вырваться из тела и полететь высоко в Небо, где он встретится с Месяцем лицом к лицу и начнётся его бесконечное путешествие по Галактике. И Мышонок Винк очень обрадовался, ведь теперь он знал, зачем живёт.

Я прочитала сказку взахлёб за несколько минут и долго бы смеялась над сюжетом, если бы не знала сейчас, что люди по эту сторону стены реально верят во всё, что в ней написано.

Так вот в чём смысл существования для Гелиорда и людей, запертых здесь: обеспечивать жизнь ближних, без усталости работать и ждать смерти как долгожданного освобождения!

Я ещё долго сидела перед книгой, пытаясь уложить это в голове. В мире Гелиорда не было женщин, а землю его народ считал ужасной и опасной планетой и мечтал улететь Домой, в Космос. Страшно было думать, что людей действительно можно было с рождения воспитать в такой искусственной реальности, поселить в их уме мысли, далёкие от тех законов бытия, по которым человечество жило вот уже столько тысяч лет. И ужасней всего было то, что эти искусственные ценности прижились. Неужели у человека нет своей природы? Неужели мы тоже машины, которые можно запрограммировать? Я вдруг вспомнила андроидов, которые сейчас так популярны, и меня передёрнуло. Нет! Не может такого быть!

Мне стало нестерпимо жалко всех этих мужчин, живущих с дырой в груди, поклоняющихся ракетам и отдающих себя работе на заводе вместо того, чтобы жить полноценной жизнью. Подгоняемый своей истинной природой, своим нутром, сейчас Гелиорд чувствует, что есть что-то большее, чем этот железный город, но скоро и он наглотаётся таблеток и начнёт верить только в Небо и Дом за облаками.

Я смахнула со щеки слезинку, только теперь мне было жалко не себя, а Гелиорда. Когда он придёт, я найду слова, которые нужно будет ему сказать, и на этот раз он меня поймёт.

– Как учёба? – я оторвалась от ещё одной детской сказки, когда он пришёл, – к счастью, на подоконнике их оказалось навалом.

– Нормально, – произнёс Гелиорд и протянул мне очередной контейнер с едой.

«Ммм, макарон с мясным гуляшом, почти такие же, как готовила мама. Ну вот, не так уж много между нами различий», – я закрыла глаза, вспоминая домашнюю еду.

– Ты... оттуда? – робко произнёс Гелиорд и кротко взглянул на небо. – Я должен сообщить городничему, я всё утро пытался это сделать, но не смог... Наташа...

– Гелиорд, – я схватила его за плечи и посмотрела прямо в глаза. – Послушай меня, на земле множество городов в разы больше вашего, там живут миллиарды точно таких же людей, как ты. Одни плохие люди просто решили сделать эксперимент, ты знаешь, что такое эксперимент?

Парень кивнул.

– Они поместили сотни младенцев за железную стену, напечатали все эти лживые книги, воспитали их по придуманной теории и заставили так жить. Просто чтобы посмотреть, что из этого получится, понимаешь? Ради эксперимента! А ещё вы работаете на их заводе! Полные энтузиазма и рвения сделать как можно больше деталей, которые принадлежат им, как и всё тут!

– Я не понимаю тебя, – ошарашено проговорил он.

Я опустила руки: а что, если он действительно не способен был меня понять? Что, если в его голове уже невозможно уложить новую информацию об устройстве мира и я для него как пришелец со своей запутанной теорией?

– Не хочешь выйти на улицу? – неожиданно предложил он.

Я посмотрела за окно – выходить было страшно, но от долгого пребывания в четырёх стенах у меня уже голова заболела, поэтому я согласилась и, накинув одну из курток Гелиорда, вышла вслед за ним из комнаты.

Я пожалела об этом почти сразу, как только мы вышли на улицу. Мне всё время казалось, что все смотрят только на меня. И несмотря на то, что на всех была практически одинаковая серо-голубая одежда и многие мужчины носили длинные волосы, я ощущала себя белой вороной.

Город был полон людей, все неспешно гуляли, беседовали между собой.

– Послеобеденный час, – пояснил Гелиорд, – мы стараемся гулять, хотя земной воздух и не особо полезен для лёгких, но солнечные лучи здорово питают. Эта планета враждебна к нам, целых полгода здесь дикий холод.

Я закусила губу, молча стараясь подражать походке Гелиорда и не глядеть по сторонам. Скоро мы пришли к высокому зданию, которое отличалось от бетонных построек. Оно было из белого кирпича с треугольной крышей, покрытой красной черепицей, с большим крыльцом и площадкой для детей, обнесённой забором.

– Ясли, – Гелиорд кивнул на здание, – и детский дом. Мы выросли здесь. Это сердце нашего города, его колыбель.

Видимо, как раз закончился не то урок, не то обед, потому что двери распахнулись и на площадку ринулась целая толпа мальчишек. Затем показался воспитатель и бросил ребятам мяч. Тут же поднялся галдёж, и мальчишки начали спорить, в какую игру сыграть. Дети поприветствовали Гелиорда, и он, подозвав одного из них, шепнул ему что-то на ухо. Мальчишка убежал и через некоторое время вернулся с молодым человеком с длинными светлыми волосами.

Юноши поприветствовали друг друга принятым здесь пожатием обеих рук и о чём-то оживленно заговорили, я же принялась разглядывать детей, играющих в баскетбол и голосящих на весь квартал. В них было столько живой энергии, столько радости, что в глубине души мне даже стало казаться, что их мир не так уж плох, раз я вижу столько счастливых детских лиц.

– Мы уходим, – неожиданно окликнул меня Гелиорд. Он выглядел разочарованным и чем-то расстроенным.

– Что случилось?

– Ничего, – он покачал головой. – Фёрус, мой друг, работает в яслях помощником воспитателя, он обычно разрешает мне посмотреть на младенцев, но в этот раз...

– Что-то случилось? – у меня холодок прошёл по спине.

– Сказал, что с одним из них что-то не так, – нехотя пояснил Гелиорд, – и теперь все дети на карантине.

– Что-то серьёзное?

– Я не знаю, Наташа, я хотел показать их тебе, – неожиданно признался он, – хотел, чтобы ты понял, почему я начал сомневаться, что их породила металлическая Арка... – он вдруг смутился. – Ведь у них больно уж нежная кожа.

У Матвеева

– Вера, запри дверь и задёрни шторы, – Игорь Витальевич сидел за столом в своём кабинете.

Трясушимися руками он вставил виртуальный диск в компьютер. Дурное предчувствие не покидало полковника со вчерашнего вечера, когда он приказал охране отдать ему все записи с камер наблюдения и наложил на них секретность.

– Вот, – Вера сразу же нашла Наташу на видео из холла во время приёма гостей.

Они пересмотрели кучу файлов с разных камер и несколько раз запутались в перемотке, прежде чем нашли нужный момент: коридор третьего этажа и фигура Наташи, отделяющаяся от общей массы.

Девушка скрылась за поворотом, затем двое солдат опечатали двери, и вскоре изображение на экране погрузилось во тьму.

– Кажется, здесь, – прошептала Вера полчаса спустя, когда они с полковником отыскивали нужный отсек и коридор третьего этажа.

– Если это та самая камера, – девушка кивнула на прибор под потолком, – то нам сюда.

– Верно, мы с тобой по этому коридору и прошли, – Игорь Витальевич достал электронный ключ и разблокировал дверь номер 332.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: здесь что-то случилось. Стеллаж в самой середине коридора был опрокинут и закрывал собой проход; груда вёдер, железок, старых замков валялась на полу. Полковник зажгёт фонарь и ахнул: вентиляционное отверстие так и зияло в стене чёрной дырой.

– Здесь есть следы, – обеспокоенно прошептала Вера, посветив вовнутрь фонарём.

– Неужели она полезла туда? – Матвеев вытер платком выступивший на шее пот. – Зачем только, глупая девочка! Что здесь стряслось?

– Не волнуйтесь, я могу залезть и проверить, куда ведут следы, – уверенно предложила девушка и, прежде чем полковник успел возразить, залезла в отверстие.

Вера ползла по Наташиным следам, оставленным на толстом слое пыли, пока не оказалась на широкой резиновой ленте конвейера. Небольшое помещение было полностью замуровано: глухие стены и две круглые двери с противоположных сторон. Какая-то череда коридорных ловушек – не иначе!

В Титановом городе

– Гелиорд, – мы опять оказались в его комнате, и напряжение от того, что мы не можем понять друг друга, вернулось, – давай заварим чай, и я попытаюсь тебе всё объяснить.

Парень согласно кивнул и налил в чайник свежей воды.

– Клетки... они делятся, – без особых прелюдий начала я свой рассказ, – из одной получается две, потом каждая из них делится пополам, и так может вырасти целый большой организм! Это называется размножение. И настоящее чудо природы то, что каждая клетка знает, как ей делиться и меняться. Какие-то из них становятся мышцами, какие-то – костями, какие-то – мозгом и т. д. Абсолютно всё живое рождается из одной клетки – это доказанный факт.

Гелиорд с сомнением посмотрел на меня.

– Вот, – я взяла его руку, – смотри! Вот здесь хорошо видно... Маленькие клеточки.

– Это клетки?! – воскликнул Гелиорд. Он наконец разглядел их у основания большого пальца. – Ты хочешь сказать, что всё живое появляется из такой крошечной точки?

Гелиорд фыркнул и отвернулся.

– А разве взрослый человек и младенец не отличаются? – спросила я, когда он вновь уставился на меня во все глаза. – Совсем крошечные дети вырастают в больших людей, так почему же ты не веришь, что из такой маленькой клетки может получиться младенец?

Гелиорд ничего не ответил, а лишь поджал губы.

– Конечно, не из каждой клетки появляются живые организмы, – осторожно продолжила я, – в теле каждого человека есть специальные клетки... ммм... для размножения. Эти клетки созревают годами к двенадцати. И с этого времени люди могут дать рождение другому человеку.

– Люди? – изумлённо воскликнул Гелиорд. – Хочешь сказать, мы сами делаем других людей?

Он рассмеялся, но я лишь кивнула в ответ. Не представляю, как ему всё объяснить и заставить поверить!

– Но ты не можешь сделать это один, и я не могу, никто не может! – я наконец нашлась что ответить, но, похоже, легче от этого не стало. Напротив, мы подошли к самому сложному вопросу. – Для этого нужно объединить клетки размножения, принадлежащие двум разным полам – мужчинам и женщинам.

Такой идиоткой я себя ещё никогда не чувствовала. Было ужасно неловко и всё время казалось, что Гелиорд сейчас засмеётся и скажет: «Розыгрыш! Вас снимали скрытой камерой!» Но этого всё не происходило.

– Ты и все люди в этом городе – самцы, мужчины. А от другого пола – от женщин – вас изолировали. Думаю, это очередной научный эксперимент. И всех животных в мире тоже по два пола, и все они размножаются, объединяя клетки друг друга! А то, что вам говорят про Арку Рождения, – это ложь. На самом деле всех вас родили обычные женщины!

Гелиорд нахмурился и сел на кровать.

– Я не верю тебе, Наташа, – изрёк он после долгой паузы, – хотя мне очень хочется верить. Даже сам не знаю почему. Но это не поддаётся логике.

– А то, что мышенок родился из камня, логике поддаётся?! – воскликнула я, хватая со стола детскую книжку.

– А как ещё он мог родиться? – тоже повысил голос Гелиорд.

– Мама его родила! Так же, как и тебя родила твоя мама, – голос дрогнул, и я сглотнула ком в горле. – Гелиорд, я поклялась тебе говорить правду, и готов ты это принять или нет, но Природа устроена именно так!

Гелиорд тяжело вздохнул и скрылся в ванной комнате. Конечно, для него было сложно всё это принять, и я начала сомневаться в том, что мне стоило рушить его мироздание. В конце концов, меня не покидала надежда, что папа вытащит меня отсюда. А значит, этот парень останется здесь совсем один, наедине со всем тем, что я ему только что сказала.

Я уже даже собиралась сказать ему об этом, но в дверь постучали, и в квартиру зашёл Дардин.

– Ну что? – он уставился на меня горящими глазами и затворил за собой дверь. – Что ты рассказал?

– Ничего, – к нам вышел Гелиорд и открыл дверь обратно, – уходи, Дардин.

Парень откровенно растерялся:

– Уходить?

– Он боится тебя, сам вот пытаюсь с ним найти общий язык, не мешай.

Гелиорд зачем-то соврал, ведь я не отказывалась говорить, да и Дардина не боялась.

Тот округлил глаза, как будто его посетила гениальная мысль:

– Может, позвать Тито?

– Нет! – раздражённо фыркнул Гелиорд и подтолкнул друга к двери.

– Будь осторожен, а вдруг он...

– Исчезни, Дардин!

Гелиорд запер дверь на замок и обречённо прислонился к ней.

– А как выглядят эти женщины?

Я тяжело вздохнула и постаралась произнести как можно мягче:

– Я женщина...

Спустя часа полтора мы сидели набывчившись в разных углах комнаты. Гелиорд пытался читать учебник, а я штопала дыру на платье.

– Нет, всё-таки почему?! – он с шумом захлопнул книгу. – Если я мужчина, а ты женщина, то почему...

– Хватит, – в очередной раз воскликнула я, – я тебе уже пятьсот раз объясняла почему! Всё намного сложнее, Гелиорд, ты как ребёнок, в самом деле!

– Пожалуйста, не волнуйся так, – чуть мягче добавила я, когда увидела, с какой силой он стискивает зубы, пытаюсь уложить в голове всё то, что я ему рассказала. – Вот ты дружишь только с Дардином, и у тебя есть масса причин на то, почему именно он твой лучший друг. Так вот и пару себе люди тоже выбирают очень тщательно.

– Я должен извиниться перед ним, – вздохнул Гелиорд, – и всё рассказать... И Тито тоже. А ещё я должен сделать эту кучу домашнего задания!

Он со злостью хлопнул кулаком по стопке учебников.

– И ещё ты должен сдать меня своему правительству, – закончила я за него и грустно улыбнулась. А весь оставшийся вечер думала только о том, кто стоит за всем этим чудовищным экспериментом.

Царицын явно был в курсе; это был либо его эксперимент, либо идея немецкого «Эндекум-про». Но правительство России, видимо, не знало, что здесь творится. Государственный инспектор, а в данном случае мой отец, специально был приставлен к заводу для того, чтобы следить за его работой и докладывать в министерство, если что-то идёт не так. И раз весь этот чудовищный эксперимент не всплыл, выходит, мой отец в этом тоже замешан! Я никак не могла в это поверить!

Глава 4. Магия народа Воды

Я очень долго сопротивлялась, но следующим вечером Гелиорд уговорил меня рассказать всё Дардину и Тито и привёл их к себе. Наставник парней был невысокий крепкий мужчина лет сорока с широким добрым лицом и азиатским разрезом глаз.

– Это ещё кто? – улыбнулся он мне. – Не припомню такого парня.

Гелиорд и Дардин переглянулись и рассказали наставнику о нашей встрече. Тито неодобрительно перевёл взгляд с меня на мальчиков и обратно.

– Не нравится мне это, – нахмурился он и скрестил руки на груди.

– Я знаю, Тито, но послушай же, что он рассказал мне вчера! И ты, Дардин, тоже.

Гелиорд кивнул мне, и я начала свою заранее подготовленную лекцию. Он даже нашёл где-то небольшую доску, и я рисовала мужчин, женщин, клетки и ещё какую-то ерунду часа два, пытаясь всё разъяснить моим ошеломлённым слушателям.

– Наташа, это всё, конечно, очень интересно, – произнёс, наконец, Тито после моего рассказа, – но неужели ты думаешь, что за столько лет мы бы не встретили никого из другого... другого пола?

– Да вас стережёт целая армия вооруженных солдат за высоченным забором с колючей проволокой, кучей датчиков движения, камерами видеонаблюдения. Комар не пролетит незамеченным! – воскликнула я.

Но Тито жестом попросил меня успокоиться:

– Наш городничий и командир Царицын контактируют с другими народами, мы торгуем с людьми извне – никто ничего подобного не слышал.

– Царицын? – я подумала, что ослышалась. – Вы знаете Царицына?

– Он живёт за стеной и занимается обменом нашего товара на лекарства, одежду и еду, – пояснил Тито. – Он очень рискует каждый день, чтобы нам было что есть. Путешествовать за стенами этого города опасно!

– Конечно, – фыркнула я, вспоминая дорогой костюм на директоре и его ухоженную молодую жену, – ходит в лохмотьях и недоедает, бедняжка! Поймите, Царицын не допускает утечки информации. Если он узнает, что я попала сюда, то прикажет стереть мне память или вовсе убить. И всех вас, возможно, тоже, потому что я проваливаю их эксперимент.

– Всех нас? – воскликнул Дардин. – Зачем же ты нам всё это говоришь?

– Вы сами попросили меня... А я поклялась, что расскажу правду.

– Мне уже пора... – Тито многозначительно посмотрел на Дардина. – Гелиорд, выйди на минутку.

Парень кивнул, и все трое скрылись за дверью.

Ну всё, Тито сейчас убедит Гелиорда, что я ненормальная, и они сдадут меня своей власти. Я прижалась лбом к оконному стеклу – голова болела от долгого нахождения в замкнутом пространстве, от всех этих споров и объяснений. Что же там делает папа? Догадался ли он, где я, и что сделает для моего спасения? А может быть, он вовсе и не станет меня спасать... Мысль о том, что отец причастен к такому издевательству над людьми, опять захватила меня.

Скрипнула дверь, и вернулся Гелиорд:

– Я верю тебе, – устало произнёс он, – вчера ещё сомневался, но сегодня понял, что ты говоришь правду, Наташа.

Он протянул мне руки в знак признания, и я пожалала их, ощутив неожиданное облегчение.

– Тито настаивает на том, чтобы рассказать всё городничему, но я уговорил его подождать.

– Гелиорд, спасибо большое, – я устало улыбнулась, – давай будем спать, а завтра, глядишь, Тито и Дардин передумают, ведь тебе тоже сначала было сложно мне поверить.

Я успокаивала саму себя, но Гелиорд одобрительно кивнул и достал из шкафа матрас. Он его отыскал ещё вчера и «любезно» постелил для меня на полу. Затем швырнул в меня подушкой, попав прямо по голове, и мы немного сняли напряжение, устроив подушечный бой, пока он не сбил меня с ног и я не ударилась плечом.

– О! Прости, не думал, что ты упадёшь, ты такой слабый!

Я потёрла ушибленное место, а Гелиорд, рассмеявшись, скрылся в ванной. И уже позже, когда мы лежала в полной тишине и почти в такой же полной темноте, он неуверенно спросил:

– А твои наставники... Родители...

– Родители.

– Да, они найдут тебя и вытащат из нашего города?

– Я надеюсь...

– А можно я тогда тоже пойду с тобой? – робко спросил он.

– Я не знаю, Гелиорд, – прошептала я, – я уже ничего не знаю...

Кабинет Царицына

– Не понимаю, зачем тебе на территорию завода? – спросил Царицын у Матвеева. Он налил себе стакан воды и жестом предложил другу, но тот отказался.

– Хочу завершить инструктаж для городничего Сеффила, проверить главный компьютер...

– Инженеры ходили к главному компьютеру только в феврале, с ним всё в порядке.

– Коля, – Игорь Витальевич сделал шаг к Царицыну и зашептал, – ты же знаешь, через пару месяцев вирус распространится, и Титановый город будет закрыт для нас навсегда. Я должен побывать там последний раз!

Николай Александрович смерил его долгим взглядом и наконец согласно кивнул.

Вера ждала Матвеева в кабинете, в волнении ходя из угла в угол.

– Ваша бывшая жена звонила! Я отправила ей сообщения от вашего имени, как вы и просили, о том, что Наташу взяли на практику, – сообщила она, как только за Матвеевым закрылась дверь, – но она всё равно волнуется и хочет поговорить с ней сама.

Игорь Витальевич тяжело вздохнул и сел в кресло. Пока не было никакой возможности вытащить дочку из-за стены. А полковник не сомневался, что Наташа попала именно в Титановый город через Арку Рождения.

– Если бы вы рассказали мне, что там, может, я могла бы помочь, – робко предложила Вера, но Матвеев лишь покачал головой.

– Город закрыт, Вера, – наконец нашёлся он что сказать, – входить туда категорически запрещено. Как я объясню им, что ищу дочь? Тогда мне придётся признать, что она нарушила строжайшее правило, а я не углядел за ней.

– А вдруг там её уже нашли?

– Нет, – уверенно произнёс он, – мы бы знали, если бы в городе что-то случилось. Не знаю как, но Наташе пока что удаётся оставаться незамеченной.

– А почему город закрыт? – осторожно спросила Вера. Она работала на заводе уже больше года, но до сих пор даже близко не подошла к разгадке той тайны, что окутывала «Космодом».

– Секретные инженерные разработки, – ответил Матвеев заученной фразой.

– И что, работники даже в отпуск не выезжают?

– Они подписали долгосрочный контракт, – усмехнулся он, – лучшие умы и лучшие зарплаты. Именно благодаря им мы вот уже второе десятилетие впереди планеты всей.

– И как же нам вытащить Наташу?

– Я наведаюсь туда, у меня есть один план.

В Титановом городе

К моему великому облегчению, если не сказать удивлению, Тито и Дардин тоже мне поверили. Это очень обнадеживало – значит, даже такую искажённую картину мира несложно поменять. Тито заверил меня, что я могу выходить на улицу и вряд ли кому-то придёт в голову проверять мою личность. Понимая, что это всё-таки риск, на пятый день моего пребывания в Титановом городе я вышла из дома на тёплое майское солнце и даже сходила с Гелиордом в столовую.

Он уговорил меня рассказать о реальном мире ещё трём ребятам, своим братьям: двум близнецам, чьи имена я не запомнила, и Ярону. Оказывается, имена тут давались мальчикам в алфавитном порядке. Братья Гелиорда попали в группу от «Ю» до «З».

Мы сидели на нагретых солнцем ступеньках столовой, нежась в ласковых майских лучах. Я смотрела в небо, надеясь увидеть птицу или самолёт, но оно было прозрачно-голубым. Хотя Гелиорд признался, что и птиц, и непонятные длинные облака, рождающиеся из точки, они видят, как и мигающие звёзды в ночном небе. Но если самолёты они принимали за птиц, поднявшихся очень высоко и подающих пример народу Небес своим дивным полётом, то спутники и вовсе были для них братьями, достигнувшими Дома и шлющими им привет.

– В следующем году, когда нам исполнится двадцать лет, мы станем именованными – это значит, что мы дадим имена новорождённым, – сообщил один из близнецов. —

Эта честь выпадает раз в жизни. Тито давал имя Гелиорду и позже стал его наставником. Так часто бывает.

– И какое имя придумал ты? – спросила я.

– О, это тайна. Я не могу говорить до церемонии Именован. Только городничий услышит его, чтобы дать своё одобрение.

– Понятно, значит, вас рождается десять каждый год? И у каждого в этом городе девять братьев?

– Самый старший из нас умер ещё младенцем, мы не помним его, – поведал Дардин.

– А потом Белгорд заболел гриппом, и его забрали солдаты, что охраняют наш город извне. Говорят, они выходили его, и теперь он один из наших защитников, – с гордостью добавил Гелиорд, – так что здесь нас осталось восемь.

Я не могла не заметить, какие они все разные: казалось, что мальчиков привозят в Титановый город со всех уголков России. Среди горожан были кавказские и азиатские лица, и даже славянские типы отличались друг от друга, чего я прежде не замечала. Были и коренастые, и с вытянутыми лицами, и с широкими переносицами, смуглые от природы и бледные, с веснушками. Найти похожих друг на друга мужчин было практически невозможно!

– Мне кажется, младенцев к вам привозят не новорождённых, а как минимум полугодичных, – заметила я. – Кто-то из вас говорил, что на празднике Рождения городничий посадил малышей, чтобы народ смог лучше их разглядеть. Но новорождённые дети не могут сидеть! – у моей двоюродной сестры было трое детей, и кое-что о младенцах я знала. – Поэтому вам всем больше лет, чем вы думаете.

– А сколько тебе лет, Наташа? – спросил Дардин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.